

Вопрос о милитаризме

Фердинанд Домела Ньювенхюйс

1900

Мы все сойдемся во мнении, что международные войны не зависят от произвола того или иного монарха, того или иного правительства; что и монархи и правительства – не более как слепые орудия, как марионетки в руках людей, стоящих за сценой, на заднем плане. Власть у нас принадлежит не короне, не расшитому золотому мундиру, а настоящим нашим царям – финансистам, банкирам, капиталистам. Они сами знают это, и то, что мы говорим, для них не новость; но в народ, к несчастью, эта истина еще недостаточно проникла.

Вот пример, наглядно показывающий справедливость наших слов.

Несколько лет тому назад, в один из моментов, когда Европе грозила война, в Париже был дан большой бал, на котором присутствовали, между прочим, несколько дипломатов, а также госпожа Ротшильд. Один из дипломатов решил воспользоваться случаем и во время танцев узнать как-нибудь от жены Ротшильда ее мнение о положении дел, чтобы таким образом выведать мнение ее мужа. И вот, гуляя с ней под руку по роскошно убранной зале, он, после нескольких незначущих фраз, как бы невзначай спросил ее: «Что вы думаете о настоящем положении дел? Будет война или нет?» Ответ получился краткий и ясный, настолько простой, что каждый рабочий может надолго запомнить его, и более красноречивый, чем все длинные рассуждения и ученые трактаты. «Нет, – сказала госпожа Ротшильд, – войны не будет, потому что муж не дает денег».

И она была права. Если банкиры не дадут денег, монархи и правительства не в состоянии будут вести войн. Старинная французская поговорка: «нет денег – нет швейцарцев»[1] совершенно справедлива: деньги, действительно, главная причина войны.

Чем вызывались войны в древности и чем вызываются они теперь? Вначале человека толкал голод; в первобытные времена война была выгодна дикарю, потому что, если победа была на его стороне, побежденный враг служил ему пищей. Позднее положение дел изменилось, но сущность войны осталась та же. Победитель заставлял побежденного работать на себя, отнимал у него землю, скот и таким образом получал возможность богатеть. Так происходило и в средние века, так происходит и в наше время. Фабриканты и капиталисты постоянно производят все большее и большее количество товаров, но что же делать с этими товарами? Приходится искать для них

рынков, и поэтому наши современные войны становятся войнами торговыми, имеющими социальную подкладку. Вместо того, чтобы увеличивать число потребителей у себя дома и таким образом находить сбыт для своих продуктов, капиталисты ищут рынков вне страны. Наши политико-экономы говорят о «перепроизводстве», потому что все торговые склады томятся под тяжестью товаров, а между тем сами производители почти что не пользуются ими. Такое «перепроизводство» ни более, ни менее, как ложь. Вернее было бы сказать, что у нас не перепроизводство, а недопотребление, и Фурье был совершенно прав, когда говорил, что мы страдаем от бедности, именно потому, что имеем всего в избытке. Мы голодны, потому что кругом слишком много хлеба; плохо одеты, потому что у нас слишком много одежды; мы ходим босыми, потому что на свете слишком много обуви. То, что нам преподают с официальных кафедр, есть, следовательно, не более как ученая чепуха.

Войны предпринимаются теперь с целью найти в различных местах земного шара сбыт для накопившихся товаров; в основе их лежат наши несправедливые общественные отношения. Кроме того, вследствие войн уменьшается европейское население, происходит «подчистка», как выразился недавно один генерал. Многочисленные рабочие без работы, в конце концов, становятся опасными, и война, уносящая эти беспокойные элементы, является настоящим предохранительным клапаном для современного общества. Она имеет, таким образом, две цели: избавить капиталистов от лишних товаров и избавить их от лишних людей. Войны нужны также буржуазии потому, что они дают ей возможность набить свои карманы, что для нее гораздо важнее, чем человеческая жизнь: нажива – высшая цель буржуазии, и вы можете быть уверены, что всякий буржуа готов скорее продать свою собственную страну, чем упустить удобный случай к наживе. Разве не английские капиталисты поставляли для южно-африканских республик те самые пушки и те самые боевые запасы, которые должны были послужить против английских солдат? Разве министр Чемберлен не состоит одним из крупных акционеров оружейного завода, обогатившегося поставкой оружия южно-африканским республикам? Разве не английские и не немецкие заводы продали китайцам артиллерийские снаряды и ружья, которыми теперь пользуются китайцы против соединенных держав? Чтобы показать на примере, из-за чего ведутся войны, рассмотрим закулисную сторону хотя бы последней китайско-японской войны.

Серебро вообще стоит недорого: в то время, как фунт золота стоит немного более 640 рублей, фунт серебра стоит немного больше сорока рублей; прибавим к тому же, что серебра гораздо больше, чем золота. Ввиду такой разницы в цене легко понять, что для того, чтобы получить одинаковую ценность серебра, нужно взять его в 32 раза больше весом, чем золота. Если я меняю золотой на серебро, я должен получить по весу в 32 раза больше серебра, чем весит мой золотой; а так как золотой двадцатифранковик (8 рублей) весит около 1,5 золотника, то четыре серебряные монеты, в 5 франков каждая, должны бы весить в 32 раза больше, то есть около 50 золотников. Если же они весят меньше, то, очевидно, государство нас обкрадывает. И действительно, монета в 5 франков весит меньше шести золотников, а четыре таких монеты весят вместе 23,5 золотника, так что на каждые 20 франков государство крадет у граждан около 27 золотников серебра. Мы видим, таким образом, где находятся

настоящие фальшивые монетки; но выделка фальшивой монеты – монополия государства, и если ею займется частное лицо, то его сажают в тюрьму.

Недавно мне пришлось видеть интересную карикатуру. За столом, покрытым зеленой скатертью, сидит министр юстиции. Двое полицейских вводят хорошо одетого господина, в цилиндре и с тросточкой, который всячески старается от них вырваться. Это – голландский министр финансов, Пьерсон, бывший директор нидерландского банка.

– Оставьте меня, – кричит господин, – я предводитель нидерландского государства!

– Все это, брат, побасенки, – отвечает полицейский, – он просто предводитель шайки мошенников, которые пускают в обращение флорины, стоящие всего 47,5 центов! (во флорине же считается 100 центов).

Вот как сами правительства подают пример фабрикации фальшивых денег!

В Америке есть очень много серебряных долларов – монета, которая принята также и в Китае и Японии. Чем больше падает цена серебра, тем больше теряют те, которые получают серебряные доллары, а, следовательно, от этих долларов, от этого серебра следует как можно скорее избавиться.

Но что же тут делать? Китаю и Японии хватает имеющихся там долларов на обычные расходы, но, в случаях каких-нибудь чрезвычайных событий, им, конечно, понадобится больше. И вот банкиры взялись за это дело. В обе эти страны были посланы европейские и американские агенты – отнюдь не для подкупа их правительств, о нет! Правительства всегда честны и неподкупны... Но, так или иначе, а Китай стал покупать в Америке массу серебра, а через полгода была вдруг объявлена война. Оставалось решить вопрос о том, на чьей стороне будет победа. Для банкиров было выгоднее, чтобы Китай был побежден, потому что побежденная сторона платит военную контрибуцию, а Япония, хотя и большая страна, но, во всяком случае, не может сравниться по обширности с Китаем. Китаю поэтому, благодаря естественным богатствам страны, легче достать денег. И вот Япония должна была победить, а Китай должен был заплатить убытки.

Для банкиров это была очень выгодная операция. Китайское правительство прежде сделало заем в 400 миллионов франков серебром, затем еще в 72 миллиона, наконец, – в 44 миллиона, опять-таки серебром. Оно получило, таким образом, большое количество серебра, с обязательством платить проценты золотом, а это составило новый источник барышей для банкиров, которые купили все это серебро за сравнительно малое количество золота. Они наживали, таким образом, громадные состояния. Кроме того, они вошли в соглашение со всеми кораблестроительными компаниями, со всеми оружейными заводами, чтобы те требовали за все заказываемые Китаем и Японией в Европе товары уплаты золотом. Это также давало большие барыши.

Итак, китайско-японская война была не более как заранее обдуманное банкирское предприятие. И все войны вообще бывают всегда такими же результатами расчетов банкиров, то есть буржуазии.

Солдаты! Когда буржуазия говорит вам, что служить своей родине – честь, и когда вы оказываетесь настолько глупыми, что верите ей, – она сама в душе смеется над вами. Она отлично знает, что обманывает вас. Все то, что вам говорят «о любви к отечеству», «о преданности престолу», о храбрости, верности и так далее – все это говорится только для того, чтобы одурманить вам голову, чтобы помешать вам

понять, каким целям вас заставляют служить. Вы просто – часовые, стоящие на страже у денежных сундуков буржуазии; войско существует только для того, чтобы защищать богатства, нажитые банкирами. Имущие классы слишком трусливы, чтобы самим защищать свою собственность; они и устроили свои дела так, что защищает эту собственность тот, у кого нет ничего. С их точки зрения, оно так и должно быть. Но что сказать о глупости людей, не имеющих ничего, людей, которым нечего терять, и которые позволяют обращать себя в пушечное мясо ради интересов своих врагов – имущих классов? Если овцы позволяют себя стричь, в этом нет ничего удивительного, потому что они слабы; но что сказали бы мы об овце, которая сама выбрала бы человека, который должен ее зарезать? Это уже – верх глупости, и таким людям поневоле хочется сказать: «сами виноваты, ни себя и пеняйте: лучшей участи вы не заслуживаете!»

Войны возможны только благодаря той любви к военщине, которую искусственно развивают в народе. Неужели вы думаете, что какой-нибудь Чемберлен или Сесиль Роде могли бы начать войну, если бы не чувствовали за собою сильной партии? Но в течение целых месяцев английская печать только и делала, что систематически возбуждала англичан против буров[2]. Пресса считается благодетельной силой, а между тем в руках капиталистов она стала средством для отравления всех источников здоровой народной жизни. Существуют общества против фальсификации товаров, общества покровительства животным; но общества, которое защищало бы народ от отравляющего общественное мнение действия прессы, нет нигде; и вот она ежедневно, капля по капле, вливает свой яд в умы целых миллионов людей.

Говорят, будто бы любовь к военщине в наше время ослабевает; но в чем же это проявляется? Действительность показывает нам как раз обратное: вся человеческая жизнь, с самого раннего возраста, подчинена влиянию военного духа – влиянию, гораздо более могущественному, гораздо более распространенному, чем обыкновенно предполагают мало мыслящие люди. В доказательство того, как сильно еще общество проникнуто духом военщины, возьмем хотя бы большинство детских игрушек. Войдите в любую игрушечную лавку и посмотрите: повсюду – сабли, ружья, эполеты, барабаны, знамена, кивера, которые приучают ребенка с самого раннего возраста особенно любить эти орудия убийства. Затем идут оловянные, пешие и конные солдатики, большие крепости, пушки и тому подобные забавы. Вместо того, чтобы удалять от детей такого рода предметы, их, наоборот, приучают к ним. Игра в солдаты – любимая игра мальчиков, и взрослые отлично пользуются этими наклонностями. Мы видим это, например, когда по улице проходят солдаты с музыкой, играющей веселые, увлекающие за собой мотивы; за ними всегда бежит толпа ребятишек, которые, наверно, думают: «вот когда я вырасту, я тоже буду гулять по улицам в красивом мундире!»

Не меньшую роль играет военный дух и в школьном преподавании. Посмотрите на детские книжки с картинками: какое огромное место там занимают солдаты и сражения! Наши хрестоматии полны всевозможных рассказов о геройских подвигах на поле битвы. А кто наши главные герои? Это не люди, прославившиеся в науке или искусстве, не люди, сделавшие какие-нибудь полезные открытия или изобретения, а всегда и везде – солдаты. История наша также часто представляет лишь перечень битв, и в ней постоянно, как припев, звучит одна и та же фраза: такой-то победил

такого-то и сделался, таким образом, могущественным правителем. Военный дух развивается в ребенке всеми средствами – и игрушками, и книгами; детский ум уже в самих играх получает ложное направление, очень часто даже помимо воли воспитателей.

Разве изображать, как героев, в глазах детей только тех, кто боролся огнем и мечом и отличался на полях сражения не есть чистая ложь? Когда Лютер отправлялся на Вормский собор вопреки советам друзей и говорил им, что он все равно поехал бы, «если бы даже в Вормсе было столько же чертей, сколько черепиц на крышах», разве он не проявил большей храбрости, чем сражающиеся на «поле чести», когда они, под влиянием возбуждения, становятся просто зверями по отношению к противнику?

Разве Золя в своем письме «J'accuse» («Обвиняю»), брошенном в лицо всему военному и политическому миру, не обнаружил большего героизма, чем войска, направляющие свою усовершенствованную артиллерию против плохо вооруженных туземцев какой-нибудь другой части света? Наконец, врач, рискующий жизнью, ухаживая за заразительными больными, или изучающий опасные болезни, не обладает разве большей нравственной смелостью, чем офицер, которого тем больше восхваляют, чем больше людей он убил? Ведь и у остиндских даяков точно также воина тем больше почитают, чем больше он может показать черепов собственноручно обезглавленных им врагов? А между тем названия Великого, Храброго и так далее раздаются лишь людям, отличившимся на поле битвы, и нам постоянно твердят о «священных войнах», о «патриотическом долге» и тому подобных вещах, служащих только для омрачения умов.

Монархи всех стран прежде всего солдаты. Едва только какой-нибудь князек научится ходить, как его уже сразу назначают командиром какого-нибудь полка, и все находят совершенно естественным, что все члены царствующих фамилий командуют чем-нибудь на суше или на море. Идеал императора Вильгельма II – это иметь десять сыновей и назначить каждого из них главнокомандующим одним из корпусов. Почему монархи являются всегда и повсюду в военном мундире? Почему они открывают заседания парламентов в гусарском или походном мундире? Не

для того ли, чтобы показать парламентам, что в случае надобности они отлично пренебрегут парламентскими решениями и покажут еще лишний раз, что меч имеет больший вес, чем сотни речей? Зачем у президента французской республики существует военный штат? Зачем такой же штат у молодой голландской королевы? Для чего все это? Почему министр, заведующий войсками, носит название «военного»? Разве его функция в том, чтобы вести войны? Министров военного и морского лучше было бы назвать министрами «драки на суше» и «драки на воде».

Вся наша печать проникается, таким образом, военным духом, и если каждый человек, взятый в отдельности, относится к войне с ненавистью, то, взятые вместе, люди делают все, от них зависящее, чтобы ей содействовать. Прудон еще мог мечтать, что девятнадцатый век увидит установление мира, но мы не можем быть такими оптимистами и не беремся даже сказать с уверенностью, осуществится ли это в двадцатом веке.

Все, что было сделано в последние годы, привело только к тому, что к военщине прибавилось еще лицемерие. На словах все правительства выражают любовь к миру, на деле же – все готовятся к войне. Самая удивительная комедия, какую только могли

выдумать люди, власть имеющие, как финал девятнадцатому веку, – это комедия мира, разыгранная в Гааге в 1899 году.

Ни в одной стране ни один бюджет не уменьшился ни на грош после этой комедии мира! Английский бюджет на 1899 - 1900 год превысил предыдущий на 25 миллионов франков; в то же время контингент войска увеличился на 1493 человека и 5 пушечных батарей, с перспективой еще 10-ти батарей в 1900 году[3].

Немецкое правительство тотчас же после этого предложило увеличить войско на 23 277 человек в продолжении четырех лет, что и было принято, с уменьшением этого числа на треть. Кроме того, были в принципе приняты проекты германского императора относительно флота.

Уж не любовь ли к миру побуждает державы все больше и больше вооружаться? Не для того ли они так страшно увеличивают военные расходы и контингент войск, чтобы доказать миролюбивость своих намерений?

Вот что писал Монтескье полтора столетия тому назад (и эти слова остаются справедливыми и до сегодняшнего дня):

«По Европе распространилась новая болезнь, охватившая всех наших монархов и заставляющая их содержать непомерно многочисленные войска. Болезнь эта – возвратная; при этом она заразительна: как только какое-нибудь государство увеличит свое войско, то же самое делают и все остальные, и единственным результатом этого является общее разорение. Каждый монарх держит наготове все это войско, какое только он мог бы собрать в случае, если бы его народу грозила опасность истребления, и это постоянное напряжение сил каждого государства против всех остальных называется миром. Европа поэтому так разорена, что если бы в таком положении, в каком находятся три самых богатых державы, оказалось какое-нибудь частное лицо, то оно не могло бы существовать. Имея в руках богатство и торговлю всего мира, мы все-таки бедны; у нас так много солдат, что скоро никого не будет, кроме них, и мы станем похожи на татар. Последствием этого является постоянное возрастание податей, и никакое улучшение этого положения невозможно, потому что государства уже не считаются со своими доходами, а употребляют на военные цели самый капитал. Нередко они, даже в мирное время, отдают под залог свои фонды и прибегают для своего разорения к средствам, которые они называют экстренными, и которые, действительно, так необычны, что самый расточительный маменькин сынок едва может выдумать лучшие».

Разве эти слова Монтескье не подходят буквально и к нашему времени? Разве наши правительства точно также не соперничают друг с другом в деле скорейшего доведения своего народа до полного разорения?

Нам говорят иногда, что войну можно сделать гуманнее, но это – ничто иное, как самое ужасное лицемерие. Сделать войну гуманнее – это такая же нелепая затея, как улучшить тюрьмы. Если не считать нескольких мелких изменений в их устройстве, то единственное, что можно сделать с тюрьмами, – это их уничтожить. То же самое можно сказать и о войнах. Разве «человеколюбивые» пули не будут убивать? Или, может быть, к ним будет приделан пластырь, который будет сам накладываться на сделанную рану? Какая бессмыслица! Чем употреблять «человеколюбивые» пули, не лучше ли упразднить всякие пули вообще?

Внести гуманность в войну! Уж не под покровительством ли немецкого императора Вильгельма, который воюет во имя цивилизации с нецивилизованными китайцами, причем его войска не дают пощады никому, закалывая штыками женщин и детей? И европейцы не стыдятся подобного варварства!

Нецивилизованные китайцы, однако, отлично разгадали цивилизованных европейцев; вот что писал недавно о них один китайский ученый: «Сначала к нам являются люди в черных одеждах (миссионеры) и обещают даром открыть нам врата неба. В сущности же они – только агенты других людей, в белых одеждах, которые приезжают, чтобы торговать, обманывают и грабят нас. Если же мы начинаем требовать у этих белых людей ответа, то тогда являются люди в одеждах разноцветных, с пушками и ружьями, и ... убивают нас!»

Вот она, характеристика международного, всемирного капитализма: алтарь, кошелек и войско!

Нам предстоит, если я не ошибаюсь, период реакции. Католицизм теперь сильнее, чем когда бы то ни было, благодаря своим капиталам и армии священников, в которой согласно правилу: *perinde ac cadaver*, он находит полную поддержку. Церковь и войско действуют заодно, и при капиталистическом строе, несомненно, скорее римский папа делается главою мира, чем какие бы то ни было права будут даны народу. Буржуазии, якобы ненавидящей войну, нужно сильное правительство для того, чтобы удержать в повиновении рабочие массы, и нужен парламент, который давал бы поступкам этого правительства внешнее оправдание. Безрассудно закрывая глаза на недостатки экономического положения, она говорит, что ненавидит войну, а между тем делает все возможное, чтобы ее вызвать; презирает цель, и вместе с тем употребляет как раз те средства, которые должны неизбежно к ней привести.

Реакционные силы включают все государственные партии, от Рима до социал-демократии, от папы до Маркса; все они составляют одну реакционную массу, против которой стоят только анархисты. Мы уже видели, как старый социалист Луи Блан вотировал, вместе со всей клерикальной шайкой, одобрение Тьеру, Мак-Магону и Галифэ, потопивших Парижскую Коммуну в крови ее участников; теперь мы видим, как социал-демократы действуют заодно с убийцами коммунаров: один из них (Фольмар) заявил, что парижане лучше бы сделали, если бы в 1871 году сидели смирно; другой (Мильеран) вошел в состав министерства, где его товарищем состоял один из самых свирепых усмирителей Коммуны.

Власти невозможно обойтись без войска, без силы, которая могла бы защитить ее от всякой оппозиции. Поэтому нам, анархистам, приходится рассчитывать только на себя самих и на социалистов-революционеров.

Каково же должно быть наше отношение к военщине? Это для нас самый важный вопрос. Одних фраз и платонических заявлений о том, что правящие классы ответственны перед историей и перед человечеством за зло военщины, еще недостаточно. Этого рода решения годятся, может быть, для разных конференций и конгрессов мира; но правительства только смеются над ними и продолжают делать свое дело по-прежнему.

Я думаю (представьте себе, что я настолько наивен!), что если бы на брюссельском международном конгрессе 1891 года у социалистов хватило смелости решить, что в

случае объявления войны они ответят на это всеобщей стачкой, то, при деятельной пропаганде этой идеи, мы за эти десять лет ушли бы гораздо дальше вперед, чем теперь. Но прошло то время, когда Гэд писал:

«Мы решились – и все социалистические партии должны придти к тому же решению – преградить дорогу войскам революцией. Заряженным пушкам мы крикнем: мы не пропустим вас, мы не позволим вам стрелять!»

Чтобы выполнить свою революционную и освободительную миссию, социализм должен обладать смелостью, и когда бедствия войны будут, по вине держав, грозить миру, у социализма должно хватить решимости повторить Дантона: «Бросим им в виде вызова коронованную голову» – слова, сказанные сто лет тому назад о войсках союзных монархов и имевшие в виду судьбу Людовика XVI. И если у Дантона хватило смелости сказать это, когда речь шла о политическом освобождении, то в деле социального освобождения – гораздо более важном – на нас тем более лежит обязанность быть решительными. Пусть все знают, какой отпор встретят те, кто ради своих выгод посылает народ на бойню.

Но как противодействовать преступным замыслам правительств и капиталистов? Средство очень простое. «Если только солдаты научатся думать, то ни один не останется в войске». Изменение в положении народа совершится, следовательно, тогда, когда люди начнут думать; в этом направлении толкает их социализм вообще, и в этом же направлении мы должны прилагать свои силы, не упуская ничего, что может оказаться полезным.

История учит нас, что в борьбе с милитаризмом менее всего следует рассчитывать на духовенство.

Войны повсюду возникали, или, по крайней мере, поддерживались, именно благодаря священникам, и никогда еще последние не помешали ни одной войне. Повсюду священники благословляют оружие и знамена; повсюду они служат молебны ради доставления победы одному войску и поражения другого. Это лицемерие со стороны религии представляет собою одну из самых ужасных низостей, которыми позорят память Иисуса Христа.

Ниоткуда не раздалось ни слова протеста, когда Вильгельм II в своей речи к солдатам по случаю принесения присяги сказал между прочим: «Вы принадлежите мне телом и душою. Для вас теперь нет другого врага, кроме того, кто мой враг. При теперешней агитации социалистов может случиться, что я прикажу вам стрелять в ваших собственных родных – в ваших братьев, или даже в ваших отцов и матерей (да хранит нас от этого бог); даже и тогда вы должны беспрекословно повиноваться моим распоряжениям».

Итак, этот христианин (!) открыто говорит (и христианская церковь не протестует против этого), что всякий, кто служит в армии, служит ему и должен быть готов ради его выгоды убить своего брата, отца или мать! Возмущенный этими святотатственными словами, Толстой писал: «Этот больной, жалкий, опьяненный человек оскорбляет своими словами все, что может быть святого для человека, и все, христиане, свободомыслящие, образованные люди – вообще все не только не возмущаются таким оскорблением, но даже не замечают его».

Существует Интернационал желтый – союз капиталистов, которые гораздо сплоченнее между собою, чем борющиеся с ними рабочие; существует Интернационал черный – Рим и его армия священников, монахов и монахинь, проникающих для своей глухой, подземной работы в самые тесные семейные круги. Нам нужен Интернационал красный – решительно революционный. Война никогда не может быть полезной для рабочих, и как только они это поймут, они положат конец правительственным козням. Труд и война – две противоположности.

Солдат не только не служит обществу каким-нибудь производительным трудом, но, наоборот, сам живет на счет производительного труда других. Представьте себе общество в 5 000 человек, из которых 1 000 взрослых поддерживают своим трудом все общество, и представьте себе, что 200 человек из их числа взяты на военную службу. Каковы будут результаты для общего благосостояния населения? Раньше каждый работник содержал пять человек – себя самого и еще четверых; теперь же 800 человек должны содержать не только остальные четыре тысячи, но и 200 бывших работников, то есть 4 200 человек. На каждого работника приходится поэтому 5000 : 800, то есть шесть с четвертью, а не пять человек, как было прежде. И, по мере того, как усиливается войско, увеличивается и это число, а вместе с тем возрастает и этот тяжелый налог на общественное благосостояние. Но мало того, что солдат ничего не производит, что он – работник, ставший бесполезным: он, кроме того, уничтожает плоды труда других.

Животные, по крайней мере, убивают свою добычу для того, чтобы жить, и в этом отношении они стоят выше человека: человек же – самое жестокое из всех существ, потому что только он один убивает ради убийства. Люди убивают с таким утонченным зверством, что игра кошки с мышью по сравнению с ним – детская забава. Есть в животном мире одна птица, называемая кариама, которая питает отвращение к зрелищу ссорящихся птиц. Ее можно видеть в некоторых зоологических садах; она легко поддается приручению, и ее обыкновенно помещают в курятник, где она исполняет роль судьи и полицейского. Если два петуха начнут драться насмерть из-за курицы, блюститель порядка делает свое дело, беспристрастно раздавая обоим противникам удары клювом. Если бы такой блюститель нашелся среди людей, то у него не было бы недостатка в деле.

У Новикова мы находим следующий расчет: «Во-первых, мы имеем 3 300 000 человек, отбывающих воинскую повинность; если бы, вместо того, чтобы служить, они занимались какими-нибудь полочными ремеслами и зарабатывали хотя бы четыреста рублей на человека, это составило бы один миллиард 320 миллионов рублей производительного труда. Затем 1 800 миллионов рублей, поглощаемые теперь военными расходами, приносили бы, если бы они были вложены в какие-нибудь земледельческие или промышленные предприятия, известную прибыль, – скажем, хоть в одну двадцатую. Это составило бы еще 90 миллионов. Кроме того, двадцать восемь дней военной службы, которые отбывают резервисты, обходятся, по меньшей мере, в 80 миллионов. Итак, вот уже совершенно очевидный расход и 1 690 000 000 рублей. А сколько колоссальных, ненужных затрат, не поддающихся никакому вычислению! Все эти капиталы производили бы новые капиталы, и если бы миллиарды, сбереженные на счет военных расходов, были вложены в какие-нибудь новые предприятия, они дали бы такие доходы, вычислить которые положительно невозможно».

Итак, труд производит, а война разрушает произведенное. Каковы же отношения между этими двумя противоположными силами? Рабочих ведут на войну, как скот па убой, причем они даже не знают, за что они дерутся. Помните вы рисунок Германа Поля в газете «Cri de Paris?» На пароходе, идущем в Китай, сидят два солдата – француз и немец – и дружески беседуют, чтобы скоротать как-нибудь время в бесконечном путешествии, из которого они, можем быть, не вернуться. «Странно, – говорит один, – я не помню, из-за чего мы дрались в 1870 году!» – «Я тоже не помню», – отвечает другой.

И вот теперь пароход везет их на китайскую войну, и они опять-таки не знают, из-за чего им предстоит драться.

Не глупо ли в самом деле отдавать свою жизнь ради выгоды и удовольствия других? И что за польза может быть от войны рабочему? Соединение рабочих всех стран, в конце концов, приведет к тому, что они положат конец жадным и честолюбивым расчетам сильных мира сего. Международный союз монархов – это война для унижения народов и для удержания их в рабстве и подчинении воле своих господ. **Международный союз рабочих – это мир, потому что мир необходим рабочим для того, чтобы процветало производство.**

Возьмем хотя бы пример такого императора, как Вильгельм II. Разве он не представляет собою постоянной опасности? Учреждения вроде президентов, сенатов, монархов и парламентов отжили свой век и, будучи орудием в руках капиталистов, – орудием, которым эти последние пользуются ради своих интересов, противоположных интересам народа, – они являются постоянной угрозой для мира.

В наш век железных дорог, телеграфов и телефонов, даже существование послов является полным анахронизмом. Каждый министр отлично может входить в сношения со своим коллегой из другой страны помимо этих дорогостоящих посредников. В больших странах они положительно опасны, потому что дипломаты всегда прежде всего стараются создать всевозможные осложнения и интриги, чтобы потом иметь случай из них выпутываться. Это – настоящая работа Пенелопы, которая пряла днем и уничтожала свою работу ночью. В данном случае люди умышленно стараются создать опасные положения, чтобы потом, в качестве ловких дипломатов, улаживать дела и упрочивать мир. В маленьких же странах дипломатические агенты – ничто иное, как украшение парадных обедов и балов. С этой же мыслью соглашается и Леруа-Болье: он говорит, что не понимает пользы существования послов.

Борясь с милитаризмом, мы не должны оставлять без внимания современное преподавание истории. Что такое представляет собою история в большинстве учебников? Рассказ о разных сражениях и королях, без всякого отношения к тому, как жил и что чувствовал в это время народ. А между тем история крестьян, ремесленников, рабочих – вообще народа – гораздо интереснее жизнеописаний разных тунеядцев – монархов, дворян и духовных лиц. История плуга и тачки гораздо важнее для человеческой цивилизации, чем жизнь Габриэли д'Эстрэ, Дюбарри или Помпадур, или любовные приключения королей. История должна быть историей цивилизации, а бойни и убийства входят скорее в историю людоедства, не имеющего с цивилизацией ничего общего. Поэтому дух военщины должен быть с самого начала совершенно устранен из воспитания: не нужно ни игрушек, возбуждающих воинственное настро-

ение, ни книг с картинками того же характера – словом, ничего того, что развивает ум ребенка в военном направлении. Я знаю, что кое-где уже совершилось изменение в этом смысле, но все-таки дела еще остается много, особенно для народных учителей: они еще до сих пор являются орудием в руках капиталистов, которые пользуются ими, чтобы воспитывать из детей покорных и податливых подданных.

Война вытекает из существования войска с такою же правильностью, с какою растение развивается из зерна. И даже вопрос еще, что нелепее и вреднее: вооруженный мир или война? Война продолжается некоторое время, но, наконец, прекращается, тогда как вооруженный мир – это постоянное зло, постоянный бич для общества. Сколько денег отнимается у общества для постоянного войска! Сколько сил отвлекается от производства! Здесь тоже происходит некоторого рода подбор, но только подбор не естественней, а скорее искусственный. Эта не та борьба за существование, о которой говорит Дарвин, а скорее борьба против существования, против жизни. Вот что говорит знаменитый дарвинист профессор Геккель в своей «Истории происхождения живых существ по естественным законам»: «Совершенно неизвестное до нашего времени явление – господство милитаризма, этого бича современной Европы, – привело, с тех пор как существует всеобщая обязательная воинская повинность, к тому, что республиканские учреждения совмещаются с постоянными войсками, годными только для защиты династических интересов абсолютных монархов, и образуют вместе нечто вроде уродливого, противоестественного существа»[4]. Из всех слоев общества ежегодно выхватывают для возможно большего увеличения армии самых сильных и здоровых молодых людей. Наиболее крепкий и нормальный молодой человек имеет, таким образом, и наибольшее шансов быть убитым современными ружьями, пушками и другими орудиями цивилизации, тогда как люди слабые, больные или калеки избавляются от службы, остаются во время войны дома, женятся и производят на свет потомство. Чем молодой человек слабее и чем больше в нем физических недостатков, тем больше для него вероятности избежать военной службы и завести семью. Цвет молодежи погибает на поле битвы, а худшая часть ее пользуется возможностью иметь детей и передавать им все свои недостатки.

«Таким образом, вследствие законов наследственности, слабость, телесная и духовная, неизбежно усиливается с каждым поколением и распространяется все больше и больше. Нет поэтому ничего удивительного в том, что и сила физическая, и сила характера все уменьшаются у цивилизованных народов, а одновременно с этим становится все реже и дух свободы и независимости».

Итак, в нашем обществе выживают и размножаются не наиболее сильные, не лучшие, а, наоборот, самые слабые. Тот же профессор говорит совершенно справедливо: «Сравнительно с удивительным развитием естественных наук, наша правительственная система, наша администрация, наше правосудие, наше воспитание и вся наша общественная и нравственная организация находятся еще на ступени варварства».

А пагубное влияние казарменной жизни этой «школы цивилизации», как называют ее господа милитаристы? Мы знаем, увы, что эта казарменная цивилизация есть скорее «сифилизация». До тех пор, пока существуют постоянные войска, мы всегда будем видеть перед собою угрожающую перспективу войны, потому что сами по себе эти войска – одна из причин, порождающих войну.

Когда между жителями цивилизованной страны возникают несогласия, они не дерутся друг с другом, а обращаются к третейскому суду; почему же бы не делать того же самого в случае столкновения между различными странами? Еще знаменитый Гуго Гроциус писал в своем сочинении о Войне и Мире, что «ту сторону, которая отказывается от третейского суда, можно заподозрить в недобросовестности». Когда нам говорят о «праве войны», это всегда возбуждает в нас смех, потому что это все равно, что говорить о четырехугольном круге: понятие о «праве» исключает понятие о «войне». Даже то международное право, о котором нам читают в университетах, кажется нам не более, как какую-то любопытную редкостью, потому что на практике никому нет до этого права решительно никакого дела. Мы видели это ни на примере пулю дум-дум, употребляемых англичанами в Африке, и мы должны волей-неволей признать тот отвратительный, но действительный факт, что того, кто победил, пренебрегая всеми решениями Женевской и всяких конвенций, будут считать гораздо большим героем, чем того, кто оказался побежденным, благодаря своей верности европейским конвенциям. Если бы какой-нибудь генерал изобрел средство уничтожить в одну минуту целое неприятельское войско, он вернулся бы в свою страну, как триумфатор, и соотечественники осыпали бы его цветами. Посмотрите хотя бы на таких палачей, как лорд Китченер, Маршан и многие другие (они существуют во всех странах).

Конечно, третейский суд не является верным средством для всех случаев; но все-таки этим путем уже удавалось предотвращать войны, и даже чаще, чем обыкновенно думают. Почему же не пойти дальше по этому пути, раз он может предупредить хотя бы небольшое число войн?

В прежние времена отдельные провинции Соединенных Штатов, так же, как и отдельные города, вели между собою войны, но эти войны прекратились, когда они объединились в государство. В настоящее время государства точно так же воюют, но и это кончится, раз только они образуют между собою **федерацию, при сохранении автономии за отдельными странами**. Такие вопросы, как финляндский и польский в России, шлезвиг-гольштейнский, польский и эльзас-лотарингский в Германии, ирландский в Англии, польский, чешский и другие в Австрии, исчезнут сами собою, как только создастся такая федерация. Это лишь вопрос времени и степени цивилизации, но что к этому когда-нибудь придет, это – несомненно.

В своей книге «Gaspillage des sociétés modernes» (Расточительность в современных обществах) Новиков говорит о федерации следующее: "она произойдет – и вовсе не тогда, когда мы станем кротки, как голуби, и проникнемся братской любовью друг к другу, а просто тогда, когда мы найдем ее для себя выгодною. Достаточно, чтобы правящие классы этого захотели. И тогда, избавившись от кошмара взаимного ограбления, каждый из нас сможет, наконец, – впервые с тех пор, как существует мир, – пользоваться вполне продуктами своего труда". Мы знаем, конечно, что это преувеличено и что таких последствий европейская федерация иметь не будет: если бы это было так, то правящие классы никогда не захотели бы ее. Привести к таким результатам может только один анархизм.

Еще в 1868 году на конгрессе Международного Союза рабочих было единогласно принято следующее решение:

«Конгресс в особенности приглашает рабочих к прекращению всякой работы в случае, если в их странах начнется война. Конгресс настолько рассчитывает на воодушевляющий рабочих всех стран дух солидарности, что надеется, что они не откажутся оказать поддержку этой борьбе и народов против войны».

Уже тогда шла, таким образом, речь о стачке на случай войны. Но когда я предложил военную стачку на брюссельском конгрессе 1891 года, то мое предложение встретило сильный отпор и было признано несбыточным и фантастическим. И это называется успехами социализма! За двадцать лет он, к сожалению, сильно шагнул назад.

Если во всех странах рабочие откажутся явиться в момент мобилизации, что сделают тогда правительства? Пример немногих увлечет за собою других, а когда таких людей будут тысячи, то разве можно будет посадить их всех в тюрьму? Очевидно, нет. Можно, конечно, ради примера расстрелять несколько человек, но ведь и у рабочих будут в руках средства ответить на этот акт жестокости, а, с другой стороны, его последствием может оказаться всеобщее вооруженное восстание. Если социалисты будут систематически отказываться повиноваться, то никакое, самое сильное, правительство не сможет принудить их к братоубийственной войне.

Я предпочитаю гражданскую войну войне между различными нациями, потому что в первой люди дерутся из-за идеи, а во второй – из-за удовольствия и выгоды других. Кроме того, в гражданской войне борьба ведется против настоящих врагов. Для французского рабочего, например, кто является действительно врагом? Вовсе не немецкий или английский рабочий, а свой, французский капиталист, несмотря на то, что он говорит на том же языке и что он уроженец той же страны. Рабочие всех стран могут быть только друзьями, потому что их интересы одни и те же; повсюду угнетателями рабочих одинаково являются правящие классы; поэтому победа над ними везде означает освобождение рабочих от давящего их ига.

«Отечество» – не более как пустой звук, потому что заслуживает ли такого названия страна, где вас заставляют так много работать и умирать с голоду? Нет, то, что должно быть отечеством, у вас украдено, а такое отечество вы любить не можете.

Пусть правительства знают заранее, что анархисты не будут настолько наивны или глупы, чтобы убивать друг друга ради выгоды своих врагов. Самый прекрасный момент Коммуны 1871 года – это момент, когда солдаты братались с рабочими. Будем же и мы вести как можно энергичнее нашу пропаганду в этом направлении, и пусть величественное зрелище этого единения на глазах у военной власти заставит эту власть побледнеть от страха.

Вместе с тем, нужно, чтобы рабочие вооружались так, чтобы быть в силах, в случае нужды, сопротивляться насилию. Совет Фридриха Энгельса, который сказал когда-то: «дайте каждому гражданину хорошее ружье и пятьдесят патронов – и это будет лучшей гарантией народной свободы», – следует только распространить и расширить.

Но у рабочих есть в руках еще и другие средства помешать какой бы то ни было войне. Представьте себе, что рабочие, занятые при водных и сухопутных путях сообщения – портовые и железнодорожные – вступили в стачку: как тогда правительствам перевозить солдат? Вражеские войска не могут, таким образом, встретиться друг с другом, а этой именно встрече и следует помешать. Недавно нам пришлось читать о том, как происшедшая в Новом Орлеане стачка англичан-кочегаров и погон-

щиков мулов помешала отправке 1400 мулов в Южную Африку. Вот это прекрасно! Именно с этого нужно начинать! Если помешать перевозке солдат, лошадей, мулов, пушек, боевых запасов и провизии, то война станет невозможной.

Будем же продолжать нашу пропаганду для того, чтобы привить мысль об отказе от военной службы и **о всеобщей стачке в момент войны** – и наша идея проложит себе путь. Приложим же все свои усилия к тому, чтобы анархисты – единственные настоящие революционеры и интернационалисты – поняли, что единственная борьба, в которой пролетариат всего мира может проливать свою кровь, – это борьба против единственного и действительного врага – капитализма.

То, что стачка делает коллективно, то для отдельной личности представляет собою пассивное сопротивление. Это одно из средств вывести из терпения всякое правительство. Но оно требует **необычайной нравственной силы**, потому что для того, чтобы вытерпеть все следующие за этим лишения, нужна почти сверхъестественная стойкость характера. Всем известно мужество и упорство русских духоборов, настойчиво отказывающихся от воинской повинности, несмотря ни на какие мучения; мы можем только преклониться перед этими героями, и не только для России, но и для всех стран. У нас, в Голландии, в прошлом году двое молодых людей тоже отказались от военной службы. Один из них – христианский анархист – просидел несколько месяцев в тюрьме и уступил; другой – анархист-индивидуалист – вынес целый год тюремного заключения. В мае этого года его выпустили, и снова на вопрос – согласен ли он отбывать воинскую повинность? – он ответил отказом; в качестве рецидивиста, он был осужден еще на год и четыре месяца тюремного заключения. Он остается по-прежнему верным себе и проявляет удивительную силу характера; несколько времени тому назад он писал из тюрьмы: «Мои убеждения мне дороже жизни. Жизнь можно у меня отнять, но убеждения – никогда!» И вот, когда человек говорит, что он не хочет убивать, правительства, после двадцати веков христианской цивилизации, не находят другого ответа, как: «в тюрьму его, злодея! Ему нет места в нашем обществе, его присутствие опасно для существующего порядка!»

По моему мнению, мы не можем не выражать подобным борцам нашего глубочайшего уважения; мы должны заявить, что считаем их действия гораздо более геройскими, чем все военные подвиги. Общество, позволяющее лучшим из своих детей страдать по тюрьмам, недостойно существования. И единичные поступки подобных молодых людей должны неизбежно оказать большое влияние: такие примеры будут повторяться все чаще и чаще, и эти смелые личности станут пионерами новой эпохи, эпохи настоящей цивилизации, не имеющей ничего общего с лицемерной цивилизацией нашего времени.

Если у людей есть чем дорожить, то в их интересах поддержать мир. Придет время, когда война будет считаться остатком варварства, переживанием той эпохи, когда люди не знали другого средства для ограждения своих якобы прав и для разрешения несогласий, кроме силы. Многие думают, что в борьбе народов, как прежде в борьбе монархов, решающий голос будет в будущем принадлежать оружию; но мы с этим не согласны, и вся история цивилизации подтверждает наше мнение. Было время, когда дуэль считалась единственным средством восстановления чести; теперь же становится все более и более нелепым думать, что честь может иметь что-нибудь общее с кровопролитием. То же самое будет и с войной. Вопрос не в том, прекратятся

ли все раздо-ры, и будет ли общество состоять из ангелов, а в том, – зачем человеку, разумному существу, решать свои несогласия грубой силой?

Мыслящее существо борется не насилием, а аргументами, и вот почему Фридрих II был совершенно прав, когда говорил, что раз только солдаты начнут рассуждать, никто из них не останется в войске.

Что такое войско? Собрание недумаящих людей, слу-жащих послушными орудиями в руках начальства, которое может делать с ними все, что хочет. Войско поэтому есть сила, в действительности вредная для человечества: оно враждебно всему, что делает из человека мыслящую личность, что образует его характер, его индивидуальность. Главный принцип военного дела – это принудительное совместное действие; а что же это такое, как не то же рабство и не тот же деспотизм, только под другим названием? Вот почему военщина – прямой враг цивилизации. Еще великий Кант говорил в своем проекте вечного мира, что все «кратии» – все равно, автократия, аристократия или демократия (то есть правление одного, правление лучших или правление народа) – одинаково вредны и деспотичны. А поэтому не нужно никаких «кратий»! Но что же это значит, как не провозглашение анархии, то есть, «акратии», безвластия?

Соединяясь под красным знаменем, мы забываем все национальные знамена; когда же последняя пушка будет уничтожена анархизмом – человеческим и цивилизующим, таким, каким его изображает на одной из своих картин бельгийский художник Вирц – то повсюду воцарится белое знамя мира. Торжество пролетариата – это социальный и международный мир, это – всемирная республика, без различия национальностей, пола, рас и цвета. Лучший путь к этому – отказ от работы и отказ от военной службы; это именно и значит: «преградить революцией дорогудвигающимся войскам».

Когда правительства объявляют войну, они совершают революционный акт, и мы не только имеем право, но даже обязаны ответить на него революцией.

Когда на человека нападают, он имеет право защищаться. Война – это нападение на нашу свободу, на все человечество; и мы, во имя цивилизации, защищаем человечество от пушек и ружей его угнетателей.

«Смелости! смелости! больше смелости!» – вот что нам нужно – и победа за нами, потому что *анархия – это порядок, мир, уничтожение бедности и свобода.*

[1]В старину короли нанимали солдат – преимущественно швейцарцев, чтобы воевать.

[2]В продолжение десяти лет консервативная, империалистическая печать подготавливала Англию к войне – воскрешая память «героев», ставя в театрах военные пьесы, убытки которых оплачивались одним народом, и так далее. Шестидесятилетний юбилей королевы, как это тогда заметили все радикальные газеты, имел ту же цель.

[3]Через несколько месяцев, после того, как написан был этот доклад, началась война против буров, представляющая самый наглый акт насилия и грабежа за последние сто лет.

[4]Эти слова находятся в первых изданиях книги, включая пятое издание 1874 года, но в последующих они уже исчезли, так как автор за это время приветствовал «человека крови и железа» – Бисмарка – как героя, которому и Германия, и все чело-

вечество обязаны очень многим. Мы видим на этом примере, насколько прав был такой замечательный человек, как Дюбуа-Реймон, когда говорил, что университет – это духовный оплот Гогенцоллернов. Наука – покорная служанка монархов; что может быть позорнее этого!

Библиотека Анархизма
Антикопирайт

Фердинанд Домела Ньювенхюйс
Вопрос о милитаризме
1900

Скопировано 14.11.2014 с <http://www.aitrus.info/node/3664>
Видный нидерландский анархист Фердинанд Домела Ньювенхюйс (1846 - 1919) написал этот антимилитаристский текст к Парижскому международному революционному конгрессу 1900 г. Некоторые из приводимых в нем аргументов (к примеру, об экономической прибыльности сохранения мира или дарвинистский тезис о том, что на войне гибнут "лучшие" представители человеческого рода) сегодня выглядят, по меньшей мере, наивно. Но главный тезис старого анархиста по-прежнему актуален: "Война -- это нападение на нашу свободу, на все человечество; и мы, во имя цивилизации, защищаем человечество от пушек и ружей его угнетателей". Опубликовано: Анархизм. Сборник. М.: Государственная публичная историческая библиотека, 1999. С.215–240.

ru.theanarchistlibrary.org